

*Моим племянницам
Ангелине, Ксении и Мире*

*Монстр, который всегда с тобой —
это ты сам.*

*Once upon a time
Not so long ago...
(Bon Jovi – Livin' on a Prayer)
Однажды, не очень давно*

На одной очень старой лестнице живут монстры. Самые обычные, хвостатые и зубатые. С густой жесткой шерстью или чешуйками. На каждой ступеньке – свой. А всего ступенек тринадцать.

Чертова дюжина монстров – слишком много для одной лестницы, что охает и вздыхает под их толстыми и худыми, но неизменно жуткими телами. Но куда им деться? Приходится держаться каждому своей деревянной полоски. Ведь внизу жуткий подвал, полный старого забытого хлама: коробок, стеллажей, ящиков... Ненужные вещи и воспоминания расползлись и заняли каж-

дый дюйм пола и стен. И все это нагромождение, муравейник отжитого, облюбовали мыши, пауки, ночные бабочки и многоножки. Армия насекомых и грызунов не пускает в свои владения чужаков.

Вот монстры и жмутся между мирами. Пол сверху, пол снизу, а если лечь на бок, то и по сторонам тоже. Полужизнь. Полумирье. Вместо зеленой травы и пряной от прелой травы земли тоже пол: бетонный, заливной и жутко грязный. Сделаешь шаг, и все увидят, опознают по следам, наступят, поймут, вернут. Да и куда идти? Кругом камень и стены. Единственный выход — вверх. В дверь. Но она ведь всегда закрыта. Три поворота маленького синего ключика — и все монстры под замком.

Этот ключик хранится у двух бледных атласных пауков, что цепко держат все тайны дома. Они пахнут лавандой и злом. Густой запах страха и ненависти пропитал все вокруг, усыпив все светлое и доброе, что когда-то обитало в этих стенах. Давно. Очень давно.

Но сегодня я планирую устроить побег всей дюжины. А поможет мне в этом тринадцатый — самый милый монстр из-под кровати и мой друг.

ГЛАВА 1

МАКС И ДВА ЧРЕЗМЕРНО КРУПНЫХ ЗНАКОМЦА

— Макс, не убегай далеко от дома.

Это моя мама, Кэролин или Кэр, и, как и положено мамам, она всегда беспокоится обо мне. Хотя я уже совсем взрослый. Я окончил начальную школу и готов вступить в новую жизнь, полную неумного веселья, кружка робототехники и, к сожалению, троллей вроде Бочки. Да, Бочка явно все портит. Может, он снова измажет мой ранец, или спрячет сменку, или чего похуже. А может, повезет, и его отца пригласят работать в другой город, а Бочка перейдет в другую школу. Но об этом лучше не мечтать. Я уже слишком взрослый, чтобы верить в сказки.

Вообще все мои школьные беды начнутся лишь через два месяца. А пока судьба дала мне отсрочку. Следующие восемь недель я проведу в богом забытой деревне, именуемой городом, где

есть все необходимое для счастья, кроме стабильного вайфая и исправного кондиционера.

Хотя пузатый телевизор тоже выглядит не очень. Пожалуй, даже хуже костей динозавров, что однажды мне удалось тайком потрогать. Пока Мисс Математика (которая была вовсе не мисс, а та еще гадюка) старалась одновременно не выйти из себя и превзойти себя. (Хотя, как по мне, это совершенно невозможно проверить одновременно). Ей не было равных в искусстве поимки и обезвреживания группы малолетних будущих гениев, преступников и наркоманов. Да-да, она так и говорила: «Мне все равно: вырастет из вашего детеныша подлец или гений — мой долг научить его математике и хорошим манерам». Первое было менее болезненно, а второе всегда шло в комплекте с длинной деревянной линейкой. Иногда мне казалось, что это средство внушения и обращения в лоно науки и уважения старших — с меня ростом и выпилено из какой-то жутко больничной деревяшки. Возможно, даже магического толка. Не могу утверждать. Но в чем я был уверен: эта семейная реликвия передавалась по наследству только самым математически выверенным и геометрически верным ведьмам, к коим Мисс Математика не только относилась, но и являла собой великолепный образчик строгости и негибамости. Как прямая, проложенная через две точки, она обладала прескверно прямолинейным характером без возможности принятия любых мнений, лежащих вне ее вектора.

Но, как вы поняли, мне бояться было нечего: что-то, а математику я знал получше многих моих сверстников. Мое детство прошло под гиперболы и параболы, что рьяно вычерчивал отец, прежде чем однажды исчезнуть. Истории с исчезновением — мои любимые. Многие, но не эта. И рассказывать о ней я не особо люблю. Совсем напротив.

Но прошлое и будущее сейчас отошли на второй план. Ведь сейчас я мчался по лугу, сбивая запоздалые одуванчики, пестрые головки цветов и нарушая покой всякой мелкой живности, явно не ожидавшей меня в гости. Мисс Математика не могла бы дотянуться до меня даже своей супер-линейкой — так надежно я был укрыт в глуши.

Выбившись из сил, я повалился на траву и утонул в небесной синеве. Зеленые стебли трепетали, полностью укрыв от меня горизонт. Я чувствовал себя исследователем неизведанных земель, первооткрывателем прерий, первопроходцем джунглей и даже немного Кусто, если допустить, что вокруг колышутся водоросли, а лазурь тропосферы — это прозрачные воды океана, в которых неспешно плывут огромные белые киты-облака.

А вы знаете, что синих китов осталась всего тысяча? Десять сотен добродушных гигантов против шести миллиардов людей. Вот кто-кто, а киты точно попадают на небо. Я верю, что там — высоко, в безбрежном просторе, они совершают свое большое путешествие. А вся эта

вата туч — всего лишь прикрытие, как фальшивые бороды и парики. Хотя, может, на небе хватит места всем. И людям тоже. Оно ведь безгранично. Не то чтобы я верил в бога, но признайтесь: приятно считать, что твоя жизнь кому-то интересна. Кому-то могущественному и, желательно, доброму.

Вы, наверное, заметили, что я, похоже, состою не из восьмидесяти процентов воды, как каждый нормальный почти-взрослый ребенок, а из вязанок любопытных фактов, заковыристых слов и теорий, которые другим не только не приходят в голову, но и в целом не омрачают бытие. Я честно пытаюсь держать все это под замком, но временами безуспешно. И тогда Бочка и такие, как он, получают новый повод для издевок. В мире средней школы быть умным не очень разумно. Это только для мамы моя сила в моей любознательности, а для меня... Хотя, к черту Бочку! Когда надо мной такое небо, к чему выковыривать из памяти комья грязи?

Я достал миниатюрный пленочный фотоаппарат, направил объектив вверх и «щелкнул» небо. Внутри коробочки зашуршало, и пленка сделала шаг. Еще один монстр в мою коллекцию: белое пушистое облако, что так похоже на хвостатого буйвола. Коллекционировать монстров — это у нас семейное.

Мне было шесть, когда я нашел снимок отца. Вот сейчас вы подумали, что мой отец — вылитый монстр. Не могу судить о его привлекательности.

Да и рассказ не об этом. Он (отец, а не рассказ) стоял на крыльце дома, где родился. Ему тогда было лет двенадцать. В два раза больше, чем мне на тот момент — колоссальная разница! Дом за его спиной уместился в кадр лишь малой частью. Верандой и дверью. Светлые доски — наверное, свежеокрашенные, — ведь, если присмотреться, можно различить оставленный валик и ведро. Пара горшков с цветами и темная полоска неизвестности — приоткрытая дверь. И глаза! Я точно увидел кого-то, но сморгнул и... этот кто-то исчез! Но мне не могло показаться — на этом фото мой отец был не один!

Ох, помню, как я нашел эту фотокарточку! Я не выпускал ее из рук целый день. Все пытался заглянуть в этот таинственный дом. Даже переворачивал пару раз. Иногда мне казалось, что из той зернистой тьмы на меня вновь кто-то смотрит. И тогда мурашки, бегающие по спине, становились на несколько градусов холоднее, волосы на затылке вставали дыбом... Притягательность неизвестности и того волнительного страха была столь сильна, что я боялся моргнуть. Ведь за этот короткий миг монстр из тьмы и мог показаться! У меня онемели пальцы, глаза жгло, словно в них песка засыпали, а ноги затекли. Но я сидел и смотрел, буравил взглядом тонкую полоску неизвестности, тщетно пытаясь войти в тот дом. И я увидел его! А когда увидел, то он словно застыл, прилип к фотографии и остался на ней. Я был поражен! Сердце колотилось, как дятел в лесу.

Я еле дождался прихода отца. Чтобы разделить с ним свою находку и спросить его, чтобы он впустил меня в тайну этого дома и фото, чтобы рассказал все его жуткие тайны!

Вечером, как было заведено, после ужина, когда мама ушла в мастерскую, отец поманил меня и, усадив на колени, взглянул на зажатый в моем кулачке артефакт. И тут все вопросы и слова будто высыпались из меня, как из решета, рассыпались по полу, и я лишь водил глазами и по-рыбьи открывал рот. Но задать тот самый вопрос не мог.

Отец улыбнулся. Я уже смутно помню его черты, и иногда от него остается лишь улыбка — немного грустная и кривая. Как у ковбоев в старых фильмах. Я боюсь, что пройдет пара лет, и кроме этой улыбки я уже не вспомню ничего. А мне бы крайне не хотелось менять отца на чеширского кота.

Так вот. Не дождавшись вопроса, отец сам начал говорить:

— Раньше не было цифровых фотоаппаратов. Нажимая спуск, я никогда не знал, что выйдет на фото до тех пор, пока в красном свете не доставал проявленную пленку и не развешивал на веревку отпечатанные снимки. Знаешь, Макс, ожидание, предвкушение, интрига — все это было у нас, и все это у твоего поколения украл прогресс.

Я не очень понял, о чем говорил отец. Меня тогда больше занимал другой вопрос. И я, наконец-то, смог выпалить:

— Где это? Кто это? — ткнул я в фото, указывая на силуэт в тени дверного проема.

Отец улыбнулся.

— Это дом, в котором я провел часть детства. А это мой друг. Славный малый, хоть и был немного диковат. Я звал его Атта. Однажды мы провели ужасно веселое лето.

— Атта, — замороженно повторил я, вглядываясь в размытый силуэт.

Имя было таким уютным, что силуэт из тьмы перестал пугать. Он был другом моего папы, а значит, не мог быть монстром. Жаль, мама тогда не увидела его, она, конечно, очень старалась, но это были поддавки. Знаете, что бы ни думали взрослые, но, когда они притворяются, мы притворяемся в ответ. Этакая игра, с взаимоуничтожением: ведь стоит высказать вслух сомнения и придется признать правду. А правда была в том, что мама считала Атту выдумкой, но не видела ничего плохого в «развитии воображения».

Этот снимок спрятан в хранилище памяти — так я зову мою коробку важных вещей. В прошлой жизни там был лишь чай, зато теперь — застывшие воспоминания. Чрезвычайно важные — «незабываемые». Даже когда коробки нет под рукой, я открываю жестяную крышку и пристально вглядываюсь... Я очень хочу узнать, кем был этот Атта. Может быть, с ним в экспедицию уехал мой отец? Одна беда — долгие годы я не знал, где живет Атта. И что это за дом на снимке. Но теперь я уж точно его найду. Обязательно.

Я втянул запах луга. В городе так не пахнет. Даже в парке. В городе приходится вдыхать все, что угодно: от машин до чужих людей. Даже не знаю, что хуже. Я часто задерживал дыхание, стараясь пореже дышать. Мне казалось, что я полон чужих запахов — внутри и снаружи. Что я так пропитался ими, что от меня самого уже не осталось ничего. А на лугу все по-другому. Я хочу, чтобы все эти ароматы были внутри меня, чтобы я пах травой, жизнью, свободой, небом. Вот почему я втягиваю воздух полной грудью, наполняю легкие до самого края и затем хватаю еще немного ртом, как рыба, и раздуваю щеки. Это как налить какао с горочкой — невозможное мастерство, на которое способны только волшебники, а еще моя мама. Она мне и показала, что совсем на немного, на тончайшую ниточку, на паутинку какао в кружке больше, чем может поместиться. Она тогда сказала:

— Видишь, Макс, край — это не предел, когда над тобой бесконечность. Всегда старайся делать свое дело максимально хорошо и еще немного лучше. Не бывает достаточно, когда творишь, любишь и помогаешь тем, кто нуждается в помощи.

Моя мама умная, добрая, но иногда перебарщивает с заботой. Вот как сегодня. Ну, вот что может со мной случиться в этом чудесном месте? Это место как застывший кадр из старого фильма, фильма, в котором не происходит ничего, кроме бега облаков.

Я сделал еще пару снимков проплывающих облаков. Еще одна вещь, которой учит пленочный фотоаппарат — это выбор момента: тридцать шесть кадров — это не тысячи цифровых снимков, и упустить важное можно, если растратишь все без меры. Но и жадничать не следует, ведь тогда можно всю жизнь прождать своего йети и остаться лишь при пустой нетронутой фотокассете и сожалениях.

Не думайте, это тоже не я придумал — это я услышал от отца. Хотя, может, он просто сказал: «расходуй с умом», а все остальное я додумал сам за все годы разлуки. Но знаете, я не сомневаюсь, что будь у моего отца шанс, он непременно дал бы мне совет наподобие этого, и когда я его найду (отца, не совет), я обязательно спрошу и даже сделаю вид, что подзабыл, как он там сказал пять лет назад. Или десять. Как повезет.

На зеленом стебельке серебрится ниточка паутинки. Меня накрывает тень.

И тут! Огромный нос тыкается мне в лицо и шумно втягивает воздух. Оторопь берет. Я сперва подумал, что это волк, медведь или нечто среднее, а в таких случаях верный шанс — притвориться мертвым. С этим у меня порядок. Еще бы сердце так предательски не билось о ребра. Чудовище чихает, обдав меня брызгами. Очень надеюсь, что я все еще сохранил запах города, и это меня спасет. Ведь город пахнет явно тем, что не вызывает аппетита и не рекомендуется употреблять в пищу. Даже чудовищам.

Сквозь ресницы я пытаюсь по-шпионски следить за монстром. Жду, когда он уйдет от дохлятины, коей я притворился. Но зверь не отступает, он пробует меня на вкус: шершавый слюнявый язык не меньше полуметра длиной оставляет на моем лице гнусную слизь. Падальщик? Боюсь, мне не спастись. Споры чудовища уже укореняются в моих порах, а едкая слизь разъедает кожу. Силы покидают меня, кожа трещит, из нее вырываются жуткие жгутики смертоносных зомби-грибов...

— Эй, малец, ты живой?

Хриплый голос царапает лезвием ужаса позвонки. Я ошибался: это не монстр, это инопланетный захватчик! И он пытается вытянуть из меня все тайны мира. Лишь сильнее сжимаю челюсти и веки, но голос проникает в мой разум:

— Граф, отстань от ребенка.

Второй голос, точно такой же, как первый. Значит, их двое. Боюсь, я окружен, и я почти готов признать, что мама была права: это место слишком прекрасно, чтобы быть настоящим! Это иллюзия, липкая ловушка, в которую попадают, как мухи, очарованные красотой, недотепы вроде меня. Но тут же неоновой вывеской в угасающем сознании вспыхивают слова: «Никогда не сдавайся. Соппротивление — это уже победа». Кажется, это было мое печеньковое предсказание. А кто я такой, чтобы не верить печенькам?!

Настало время для Максимального Рывка. Я задерживаю дыхание, сжимаю кулаки и, резко подскочив, собираюсь дать деру. И тут меня со

всего маху бьет по голове один из врагов. Глушит как рыбу — так, что Млечный Путь средь бела дня закружил, как волчок, перед глазами, и я бревном рухнул обратно в траву. Что ж, умереть на лугу не так плохо. Мои останки дадут энергию василькам, а может даже на них вырастет клевер, и если повезет, то однажды случайный прохожий найдет четырехлистник и обрадуется, а значит, все будет не напрасно.

Но монстры не унимались: они нашли меня даже в моем посмертии и начали охаживать по щекам.

Голова раскалывалась, я с трудом разлепил веки. Странно, но мне удалось, а я до последнего думал, что они были зашиты. Из дымки забытья передо мной возникла ужасающая морда. Когда фокус восстановился, то монстр разделился на две неравные половинки и, обретя четкость, моему взору предстали старик и собака.

— Живой! — старик засмеялся. — Я уж думал, ты моему Графу все его собачьи мозги вышибешь своей кубышкой.

Дед легонько тюкнул мой лоб своей тростью (по факту — кривой полированной веткой).

— Ай! — вскрикнул я и потер шишку, что уже успела оформиться голубиным яйцом.

Пес обиженно прижал уши и старался не приближаться вплотную.

— Простите, — я на девяносто процентов был уверен в своей ошибке, но оставлял одну десятую на то, что пришельцы продолжают меня душить.